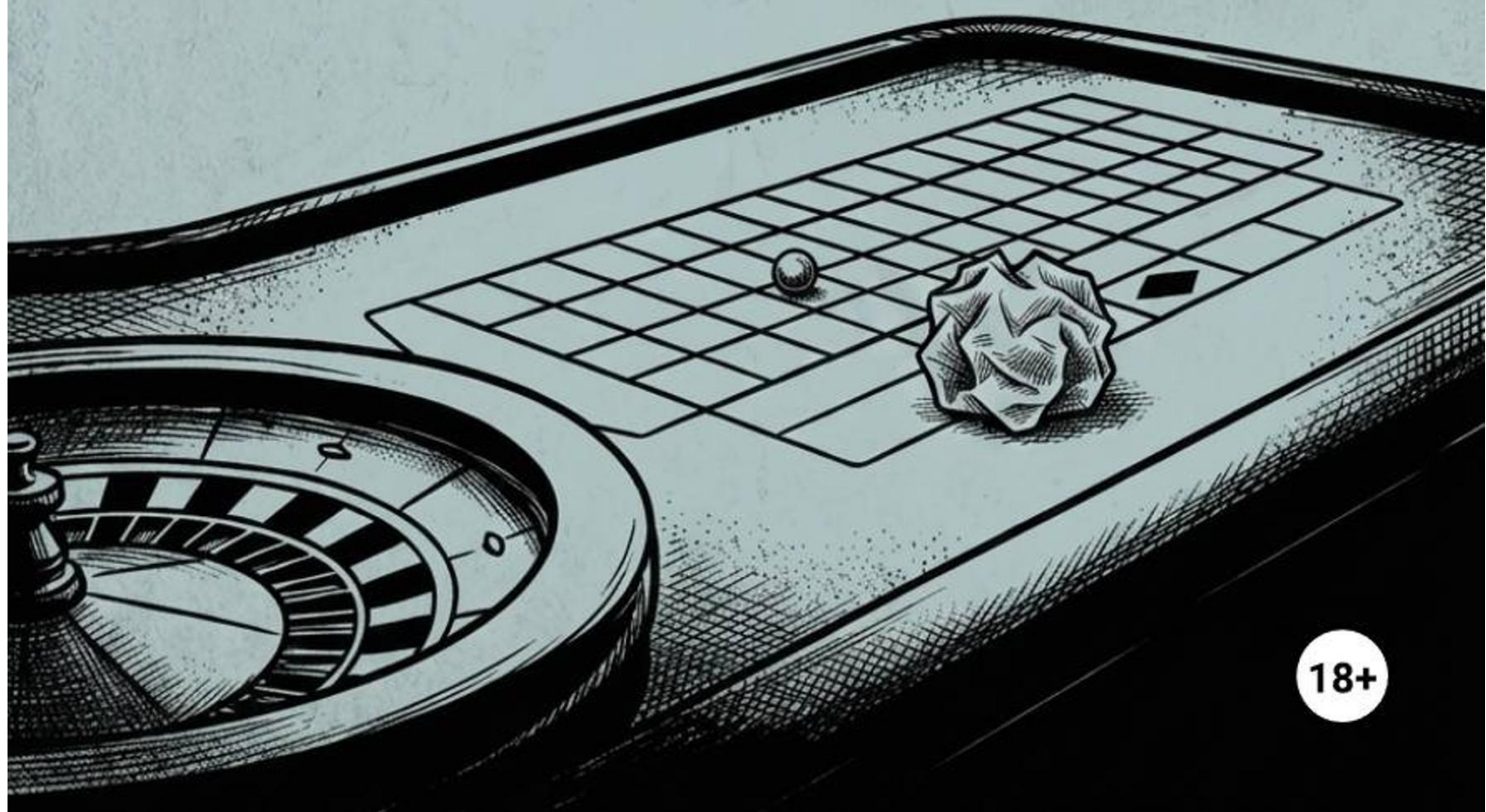

АНТОН СУТОРМИН

Сотня грехов

18+

Антон Сутормин

Сотня грехов

«Автор»

2026

Сутормин А. О.

Сотня грехов / А. О. Сутормин — «Автор», 2026

Рядовой счетовод и непризнанный писатель пытается сбежать от бытовой рутины за игровой стол. Иллюзия контроля быстро рушится, оставляя за собой долги и отчуждение семьи. Погружённый в себя и в ожидание «великого взлёта», он не замечает, как превращает жизнь близких в тихий бытовой ад.

© Сутормин А. О., 2026

© Автор, 2026

Антон Сутормин

Сотня грехов

Глава 1. Падение.

Каждый день в нашей жизни что-нибудь да происходит. Важное откладывается в долговременной памяти, а обычное отмирает вместе с нейронами мозга. Самое главное — не начать путать их местами.

Матовые тёмно-красные стены беззаконного зала поглощали свет роскошных люстр, старательно освещавших потёртые игральные столы. Рокот металлических шариков по лакированному дереву отдавался эхом, лишь изредка прерываясь тихим смехом или невнятным бубнежом.

— Ха, чёрное, представляешь?! — заорал Семён.

— Да... чёрное... — пробормотал я.

— Не дрейфь, в следующий раз повезёт! А сегодня я угощаю, — произнёс он, схватив меня за плечо.

Крупье с приглушённым стуком опустил лопатку, пара фишек звонко покинула мою сторону стола. В носу остался лишь впитавшийся в дерево химический запах моющего средства.

— Ну ладно, пойдём. Тут главное — остановиться, — сказал он и, залпом осушив бокал, со звоном опустил его на металлический поднос официанта.

Перебирая между пальцами оставшуюся фишку, я раскрутил её со всей силы на краю дубового борта, с хлопком пристукнул ладонью и тяжело вздохнул.

«Ладно, в следующий раз».

— Ну что, куда зайдём? — спросил Семён и тут же заворчал: — Все из себя такие элитные и престижные, а выпивка никакущая.

Прогуливаясь в затихшем полумраке жилого района, я наблюдал, как вечерние фонари выхватывают из темноты носы моих строгих классических туфель. Подушечки пальцев зудели — им не хватало привычной тяжести фишек.

В плече отдался лёгкий удар.

— Ну ты чего? — Сёма всматривался в каждую черту моего лица, пытаясь поймать отстранённый взгляд.

— Так... ничего. — Сверчки в кустах, заходясь мелодичным звоном, заглушали тяжёлый пульс в голове. — Знаешь... я, наверное, пойду. Дома жена с ребёнком — надо пораньше вернуться.

— Но как же?

— Потом угостишь, — сказал я и, похлопав его по спине, побрёл домой.

«Да сделайте вы уже парковку».

Протиснувшись между сотней плотно стоящих машин, я подошёл к двери своего муравейника и зашарил по карманам в поисках ключей.

«Ни в правом, ни в левом. Так, и в пиджаке тоже нет...»

К горлу подступил сухой ком, веки напряглись, в ушах отдавался только далёкий собачий лай.

«Ну и ладно».

Расслабив лицо, я вздохнул, потянулся к домофону и указательным пальцем набрал 248. Он зазвенел.

С верхних этажей доносились чужие крики: одни ругались, другие хохотали — слов не разобрать.

Динамик зашуршал. Пиканье оборвалось.

— Это я.

Магнит замка с щелчком отпустил дверь, из панели пропищала короткая мелодия.

Стоило мне войти, как глаза и нос незамедлительно забило пылью. На полу валялись мешки то ли с песком, то ли с цементом; инструменты, стремянка и всякая всячина строителей.

«Лифт не работает», — небрежно написано карандашом на мятом листке бумаги.

«Придётся идти по лестнице».

Ноги налились свинцом — приходилось поднимать каждую по отдельности. Левой, правой. Левой, правой.

Воздух жёг лёгкие. На улице стояли августовские сумерки, но между пролётами гулял пронизывающий сквозняк. Окна были наглухо закрыты, а ветер всё равно трепал штанины и подбивал полы пиджака.

Я скукожился и скрестил руки на груди. «Не хочу отпускать остатки тепла».

Губы сохли мгновенно, сколько бы ни смачивал — во рту оставался сухой меловой вкус.

Наконец последняя ступень. На стене надпись «18-й этаж».

Я потянул ручку остывшей стальной двери — она со скрипом распахнулась. Из коридора ударил режущий глаза свет — пришлось зажмуриться.

Пока в чужих квартирах гудели голоса, я по привычке дошёл до своей. Встал на недавно постиранный коврик и постучал. Дверь отозвалась глухим гулом и замерла. Прошло секунды три. Никто не зашевелился.

— А... Да... Точно...

Палец потянулся к кнопке звонка, как вдруг дверь отворилась без щелчка.

— Привет, — сказала Настя с улыбкой. — Открыто же, заходи. — Она посторонилась, пропуская внутрь.

— Привет.

Я зашёл, а она тихонько прикрыла за мной дверь.

— Трудно без лифта, правда?

— Да.

Она развернула меня и помогла снять пиджак.

— Я там курицу приготовила, уже всё накрыто, можем садиться.

— Ага...

За столом было тихо. Одно из мест оставалось сервированным, еда остывала, но за ним никто не сидел.

— Славик, — приглушённо окликнула Настя.

Его приборы лежали слишком аккуратно.

— Пускай, если не хочет.

— Да... Конечно... — сказала она, не поднимая глаз; руки держала под столом и изредка чем-то шуршала.

— Я, кстати, в школу наконец устроилась. Учителем русского языка и литературы. — Она снова улыбнулась.

— Вот и хорошо.

Обогреватель гудел. На плите тихо дребезжал закипающий чайник. Ничего другого слышно не было.

Я специально постукивал вилкой по тарелке.

— Ну... А как там с издательством? — спросила она.

Сжав прибор в руке, я выдавил:

— Отказ.

— Да?

— Да.

Безмолвие сдавливало голову, сжимая виски до звона.

Я закинул в себя остатки пищи и наконец закончил.

— Ладно.

Сложил посуду. Включил кран. Немного подержал руки в тёплой воде. Помыл тарелку, чашку и вилку.

— Спасибо, — сказал я, стоя в дверном проёме. От тарелок шёл тяжёлый, сладковатый запах застывающего куриного жира. Подступала тошнота. Настя сидела не шевелясь. Смотрела в свою порцию и съела за всё время лишь пару кусочков.

В голове гудело. Пусто.

...

Я отвёл взгляд и пошёл в свою комнату.

Усевшись за стол, я взял ручку, блокнот и калькулятор.

Открыл первую страницу — черновик: «Повесть о трёх соловьях».

«Не то».

Пролистал половину — сплошные цифры и вычисления.

«Скоро осень, придётся платить за отопление. Нам его не хватит, будем топить своим обогревателем. Расходы на электричество увеличатся».

Я записал.

«Славе нужно купить новую тёплую одежду. На ребёнке экономить нельзя. Немного отложить Насте. Еда, школа, быт».

Я записал.

Паста методично вычёркивала из общей суммы рубль за рублём, пока не закрыла все нужды семьи. «Они в безопасности».

Ручка упиралась в лист, отбрасывая тень. «Итого — совсем ничего. Но это мои деньги. Если проиграю эти крохи — просто потерплю без обедов. А если повезёт — принесу домой вдвое больше». Шарик зацарапал бумагу. Я записал.